Вырезка из газеты
~~МОЛОДОЙ СТАЛИНЕЦ~~
Молодость Грузии от 18 ЯНВ 1952
Тбилиси Газета № . . . .

5

Талант страстный и яркий

МИХАИЛ Джавахишвили является одним из лучших продолжателей реалистических традиций грузинской классической литературы. Он обогатил грузинскую литературу целой галереей новых, ярко очерченных образов. Произведения М. Джавахишвили вводят нас в тот мир событий и людей, который писатель отлично знал и о котором умел так интересно рассказывать.

...В одну из ноябрьских ночей 1903 года Джавахишвили написал маленький рассказ «Чанчура» об униженном и оскорбленном трудовом человеке. Рассказ был напечатан в иллюстрированном приложении к тбилисской газете «Цнобис пурцели» и понравился читателям. Джавахишвили стал постоянным сотрудником этой газеты. Так началась его писательская биография.

С 1904 года М. Джавахишвили — один из редакторов газеты «Иверия»; здесь он писал обзоры о русско-японской войне, составлял хронику и т. д. Одновременно он выступает под псевдонимом Адамашвили со своими рассказами— «Сапожник Габо», «Беспризорная», «Самозабвение» и другими. Литературная критика с большой похвалой отозвалась о творчестве молодого писателя. Уже в этих первых произведениях выявились демократические и гуманистические тенденции автора.

В 1906 году М. Джавахишвили редактировал газету «Глехи». Там были напечатаны «Народная сказка» (перевод известного памфлета Вильгельма Либкнехта «Пауки и мухи») и статья «Письма крестьянина». Власти встревожились. Цензурный комитет писал прокурору Тифлисской судебной палаты: «Помещенная в газете «Народная сказка» возбудит враждебные отношения рабочих к предпринимателям, а в статье «Письма крестьянина» определенно высказывается неуважение к высшим властям, осуждается существующая форма правления и опубликованы такие сведения о работе государственных учреждений, которые вызовут возмущение народа». Газета «Глехи» была запрещена. Ее редактора отдали под суд, но он успел бежать за границу.

К концу 1909 года писатель вернулся на родину под чужим именем и стал одним из редакторов журнала «Эри». Этот журнал был вскоре тоже закрыт, а Джавахишвили арестован и приговорен к году тюремного заключения. После отбытия наказания в Метехском замке его на пять лет выслали в Ростов-на-Дону, где он работал инспектором страхового общества. В 1912 году М. Джавахишвили был назначен уполномоченным этого страхового общества по Закавказью. Затем служил в обществе Красного Креста, в торгово-промышленной палате. Занятия литературой были оставлены. В годы первой мировой войны он работал в Иране уполномоченным Красного Креста.

После установления Советской власти в Грузии М. Джавахишвили возвращается к литературной деятельности. В 1923—1927 годах работает в редакции журнала «Мнатоби» и является председателем правления Литфонда Грузии. Его избирают членом правления Союза писателей Грузии, а позже — членом правления Союза писателей СССР.

Талант Джавахишвили поистине расцвел. Он работает много и плодотворно, пишет рассказы и романы: «Лесной человек», «Квачи Квачантирадзе», «Кбача опоздал», «Невинный Абдула», «Ламбало и Гаша», «Золотой зуб», «Белый воротник», «Маленькая женщина», «Белый заяц», «Гиви Шадури», «Арсен из Марабды», «Бремя женщины» и другие.

«Арсен из Марабды»—наиболее известное и наиболее значительное произведение М. Джавахишвили. Это роман исторический и вместе с тем— роман современный. В нем действительные исторические факты по-новому осмыслены и освещены. Автор выступает здесь не равнодушным летописцем, а страстным художником. Он воссоздал характерные картины общественной и культурной жизни прошлого.

Время действия романа «Арсен из Марабды»—первая половина XIX столетия, когда в Грузии, после присоединения к России, происходили глубокие социально-политические изменения. Здесь показаны две Грузии: Грузия феодалов и Грузия крепостного крестьянства. Князья и дворяне вместе с царскими чиновниками разоряли крестьян. В ответ среди крестьян возникали стихийные восстания. Их вожаком и стал отважный Арсен Одзелашвили. Источник всех бед Арсен видит в существующих феодальных отношениях. Он требует отмены крепостного права и уничтожения дикого разгула царского бюрократического аппарата.

М. Джавахишвили — отличный мастер композиции и сюжета. Читая его произведения, видишь, насколько совершенно их построение. Это сложный живой организм, развивающийся логично, естественно. Одна сюжетная линия не заслоняет другой, они прочно связаны между собой.

М. Джавахишвили в совершенстве владел родным языком и неустанно работал над словом. Об этом красноречиво говорят многочисленные черновики и варианты его произведений. Он учился языку у своих великих предшественников-классиков и у народа. «Живая народная речь, — подчеркивал он, — вечный источник обогащения художественного стиля, она тот фундамент, без которого нельзя создать ни одного литературного памятника». Поэтому стиль Джавахишвили лишен искусственности и манерности. Для характеристики людей и явлений у него всегда находятся яркие, эмоциональные живые слова, ими он и рисует жизнь.

Шалва РАДИАНИ,
доктор филологических наук.

Писатель, гражданин, патриот

Я в вечном долгу перед моей Родиной

Катится к Куре Верийский спуск. Шумно. Трамвай нервно звенит, требуя дороги. Со всей силой бьет ослика старик-угольщик. Ослик бежит что есть мочи, бежит по рельсам. Трамвай наступает ему на пятки, звонко бранится. Поет последнюю песню о старом Тбилиси уставшая, закрученная жизнью шарманка.

Наверху, в комнате на третьем этаже одного из домов Верийского спуска, ложится на бумагу этот шумный, вечно бегущий город. Кого только не забросила судьба в эту маленькую комнату! Прилег на тахту уставший от боев Арсен Марабдели. У двери жмется, не решаясь сесть, Чанчура. Мнет в руке баранью папаху временщик Джако. В удобном кресле развалился, окидывая всех плутовским взглядом, Квачи Квачантирадзе...

Никто не заметит в комнате этих людей. Но они живут здесь. Живут и ждут, кого же еще вселит в эту обитель неугомонный писатель. Тихо. Накурено.

А в другой комнате на подоконнике сидит Кетино и смотрит расширенными глазами на улицу. Она никогда не мешает папе работать.

Девочка любит сидеть вот так у окна, смотреть на свой город. Она любит его. Любит потому, что отец без него не может жить. Любит Кетино гулять с папой по кривым, шумным улицам, слышать за собой восторженный шепот:

— Джавахишвили с дочкой...

Устав, часами сидит она потом в комнате и смотрит, как он пишет, пишет. Снимет очки, протрет, улыбнется ей и вдруг, став опять серьезным, начинает скрипеть пером.

То, что пишет папа, девочке не разрешают читать — это для взрослых.

Но вот однажды папа, отложив в сторону исписанные листы, спросил, близоруко сощурясь:

— Кетино, хочешь я напишу тебе кое-что?

Девочка онемела от счастья.

— Ну, что с тобой? Принеси свой альбом...

Лист за листом исписывается маленький альбом. Папа думает долго, иногда смотрит на дочь...

«Заповедь наших дней

1. Ты вечный и преданный слуга твоей страны.

2. Враг твоей Грузии — твой личный враг.

3. Все, что у тебя есть и будет, даже жизнь твоя, принадлежит отечеству. Ты его постоянный должник.

4. Отдай народу твоему все от чистого сердца, и он вернет тебе сторицей.

5. Всегда и во всем надейся только на себя. Живи так, будто не было и нет у тебя заступника.

6. Научись управлять собой. Подчини разуму свои прихоти, упрямое сердце и непослушные желания.

7. Помни: прокладывать светлый путь жизни и идти по нему победоносно дано лишь правдивому, честному труженику. Ложь и лень рано или поздно непременно погубят человека.

8. До того, как прочно стать на ноги, всегда и во всем слушайся своих родных и наставников. Они тебе желают только хорошего.

9. Будь самолюбивой и знай себе цену. Однако, смотри, не возгордись.

10. Но лучше всего в нашей жизни три вещи: во-первых, труд, во-вторых, труд и снова труд. Запомни и усвой вышесказанное.

Любящий твой отец
М. Джавахишвили».

* * *

Исчез визгливый трамвай с Верийского спуска. Ушли на вечный покой угольщик со своим осликом, хмельной шарманщик. Улицы, как на дрожжах, раздулись и разошлись вширь.

Нет в живых и человека в очках, ночи напролет скрипевшего пером, автора сотен рассказов, писем, новелл, романов. Он исчез неожиданно. Исчез, но не бесследно.

Никогда больше Кетино не слышала за собой восторженного шепота прохожих. Она ходила по городу так же, как и сотни других людей.

Ходила и жила для того, чтобы собрать об отце по возможности больше материала.

Отец не писал своей биографии и редко кому рассказывал о своей жизни.

Из его друзей многих уже не было в живых. Но девушка упорно, строка за строкой воссоздавала жизнь блестящего писателя.

Медленно восстанавливалась история жизни писателя. В комнате на бывшем Верийском спуске собралась уйма пожелтевших от времени листков бумаги, фотоснимков, воспоминаний. И тогда Кетеван Михайловна вспомнила о своем детском альбоме. Альбом куда-то исчез. Но в одной из книг нашелся обрывок листа, и на нем мелким, очень разборчивым отцовским почерком были написаны эти десять заповедей. Чем глубже вдавалась дочь в подробности жизни отца, тем яснее становилось ей — отец вписал ей слова заповеди не просто так, ради забавы. Строки эти были как бы схемой его личной жизни, программой жизни.

* * *

Куча сомнений, уйма дорог, пачки исписанных листов бумаги. А потом пепел. От всего этого — пепел. Одно за другим исчезали сомнения, в тумане жизни, где-то там, правда, далеко, начала вырисовываться тропинка жизни. Пачки с рассказами уничтожаются им же одна за другой.

А на утро весь город, весь подпрыгивающий от избытка жизни Тбилиси читал первое произведение нового писателя. «Чанчура». На бульварах, в садах, на улицах. В трамвае, в харчевне, в салонах. Только и разговоров, что о Михаиле Джавахишвили.

Это было признание. Тропинка выросла в большую дорогу.

Шли годы, и с годами писатель уже мог смело сказать: «Я в Грузии посадил такой дуб, и так глубоко ушли его корни, что уничтожить его никому не удастся». Он узнал себе цену, но не возгордился. Худой, среднего роста всегда и во всем аккуратный, носился он по городу, что-то выискивал, ко всему приглядывался. Его трогало, касалось абсолютно все — улица плохо вымощена, вывеска написана плохим грузинским языком, кто-то кого-то обидел... Это была его жизнь.

* * *

Я слышал о людях, которые умирают стоя. Слышал и о тех, кто встречает смерть на коленях, обезумев от соленых слез.

Джавахишвили ушел из жизни, как сокол, подстреленный на лету.

А в тихом, маленьком гнезде на бывшем Верийском спуске осталось столько планов, столько замыслов, столько мечты...

Остался ненаписанным роман о Шота Руставели, Георгии Саакадзе, Ираклии II, роман из истории Тбилиси, об осушении Колхидских болот, колхозниках села Асурети...

Остались они как подтверждение его же словам, вынесенным мною в заглавие.

Г. ХАРАИДЗЕ.

«Павле Ингороква, я и персидский поэт профессор Нефези. 1934 год. В музее Грузии во время юбилея Фирдоуси» — это написано рукой М. Джавахишвили на оборотной стороне фотографии, которую мы помещаем. Фото публикуется впервые.

Большая сатира большого художника

Бывает, что персонаж той или иной книги счастливее ее автора. Говорят, что, когда больной, измученный, полуголодный Сервантес доживал последние дни своей жизни, по Испании весело странствовал рыцарь печального образа и люди задыхались от смеха, читая его странные приключения. Когда в Грузии никто ничего не знал о судьбе М. Джавахишвили, донжуанствующий авантюрист, аферист и делец Квачи Квачантирадзе вызывал неудержимый смех у людей и его имя становилось нарицательным.

Роман «Квачи Квачантирадзе» — злая сатирическая книга. В жизни и литературе часто бывает так: у человека большое, любящее, доброе сердце, но он пишет книги, едко высмеивающие пороки как одного человека, так и целого общества, ибо ненависть ко всему отрицательному — такое же благородное чувство, как любовь к прекрасному и возвышенному.

Нельзя показать беспощаднее падение человека, чем это сделано у М. Джавахишвили в романе «Квачи Квачантирадзе».

Квачи родился в Самтредиа и вырос в Кутаиси, но живет и работает в Петербурге, Париже и других столицах. Он стремится стать человеком с мировым именем. Он не желает ограничить свою «деятельность» границами Грузии. Круглый невежда, он разглагольствует в Лувре о мировых шедеврах живописи, а в действительности не может отличить Венеру Милосскую от жены русского князя Милославского. У него целый штат наемных панегиристов, которые его славословят. Квачи импонирует слава не только политического деятеля, но и Дон-Жуана. Чтобы добиться намеченной цели, он не останавливается ни перед чем, даже перед продажей трупа родного отца.

В романе Квачи — продукт буржуазной действительности, но у писателя настолько четко и ясно вычерчены в его характере типичные черты политического карьериста, что он становится обобщенным образом пройдохи всех времен.

В 20-е годы, когда вышли романы «Квачи Квачантирадзе» и «Джакос хизнеби» (русский перевод романа называется «Обвал»), некоторые критики упрекали писателя в цинизме. К сожалению, они не отличали цинизм от гневной ненависти. Кроме того, они забывали, что автор «Чанчуры», «Свадьбы Курки», «Лесного человека», «Белого зайца» и других рассказов проповедовал безграничную любовь к простому люду. Вместе с этим критики должны были знать не только творчество писателя, но и личность его.

Дочь писателя К. Джавахишвили рассказала мне один маленький, но примечательный факт из жизни своего отца. Однажды в зимний холодный день писатель вернулся домой мрачный и чем-то обеспокоенный. Он долго молчал. Потом задумчиво сказал, что шел по проспекту Руставели и видел многих молодых людей без пальто:

Он думал о людях, которым приходится зимой ходить без пальто, и писал «Квачи Квачантирадзе» и «Джакос хизнеби». Он хорошо знал, что честным и порядочным людям пройдохи типа Квачи Квачантирадзе или Джако мешают жить по-человечески. Поэтому он словом возбуждал ненависть к ним. Люди, обвинявшие его в цинизме, любили говорить о советских Щедриных и Гоголях, однако на деле не терпели даже малейшей критики.

М. Джавахишвили в грузинской сатирической литературе с честью продолжал путь, начатый И. Чавчавадзе рассказом «Человек ли он?». Можно установить прямую связь между рассказом «Человек ли он?» и романом «Джакос хизнеби». И. Чавчавадзе оставил нам великолепный сатирический образ обжоры и тупицы Луарсаба Таткаридзе. На нем закончилась грузинская сатирическая литература XIX века.

XX век принес с собой новые веяния в социальной и политической жизни. Оказалось, что потомки Луарсаба Таткаридзе, облаченные в модную одежду века, примазываются к борцам за новую социальную и политическую жизнь. Они тоже разыгрывают из себя революционеров. Герой М. Джавахишвили Теймураз Хевистави — младший брат Луарсаба Таткаридзе, разве только более образованный, более интеллигентный и, что главное, более претенциозный. Но сущность его не изменилась: он так же бездействен и бесплоден, как Луарсаб. Однако Теймураз Хевистави опасен. Его мягкотелость, либерализм и мнимая революционность дают возможность всплыть на поверхность общественной жизни таким людям, как Джако. Джако — олицетворение всепожирающего эгоизма, бесстыдства и нахальства. Он — грубая, тупая сила неудержимого стремления к власти и богатству. Люди, подобные Джако, прикрываясь маской крестьянина или рабочего, стараются поставить на службу собственной выгоде достижения революции. Но революционная справедливость народа выбрасывает Джако и ему подобных на свалку истории.

М. Джавахишвили, сталкиваясь со всем, что мешало жить и строить новую жизнь, не умел молчать. Громко, во всеуслышание он говорил об этом. Честность писателя была одной из основных черт его сатирической прозы.

А. БАКРАДЗЕ.

М. Джавахишвили и грузинский театр

Выдающийся грузинский писатель М. Джавахишвили заинтересовался проблемами театра еще в годы юности. Впервые он выразил свои мысли о театре в статье «Мы и наш театр», опубликованной в 1903 году в газете «Цнобис пурцели». В ней писатель дал ясную и принципиальную оценку грузинской драматургии того времени и наметил перспективы ее развития.

Анализируя грузинский театр и драматургию, М. Джавахишвили отмечает, что театр пока еще не смог раскрыть духовный мир человека. Такой спектакль, где духовная драма маленького человека, его горести и радости показаны на высоком художественном уровне, — редкость. (Писатель в то время особенно увлекался темой маленького человека). Это так, но, безусловно, придет время, когда театр основное внимание уделит духовному миру человека и более отчетливо покажет идею свободы личности.

В театральных статьях писателя основное место занимает вопрос роли народа в спектакле. Народ — созидатель истории. Он создает материальную и духовную культуру.

«Каждый сознательный грузин, — пишет он, — не желает смотреть исторические пьесы, которые не имеют ничего общего с историей, в которых история показана лживо и фальшиво».

Джавахишвили восстает против такого трактования истории, когда ее развитие, ее явления объясняются движением «царских сердец», зависят от «истинного христианства и благородства» царских желаний.

Молодой писатель страстно выступает против тех, кто принижает роль народа как творца истории. Народ-творец, народ-созидатель — и нет у театра выше и благороднее задачи, чем художественное отражение на подмостках творческой жизни народа.

М. Джавахишвили выступает против ложного пафоса в театре, против кажущейся героики и самоцельной романтизации. Он выступает как строгий реалист и с такой же требовательностью рассматривает старую грузинскую драматургию. В этой серии театральных статей М. Джавахишвили много спорного, но главное здесь — забота о судьбах грузинского театра.

Перу М. Джавахишвили также принадлежит интересное исследование о Г. Ибсене, которое в 1906 году опубликовала газета «Иверия». Творчество Ибсена он считает примером мастерского психологизма. Как в этой статье, так и в других публицистических статьях интересны высказывания писателя по вопросам драматургии. Он рассматривает ее с учетом сценической, специфической особенности. Много внимания уделяет он проблеме художественного образа. Он критикует некоторые стороны старой грузинской комедиографии, считая, что в наших комедиях герои показаны «одноообразно и односторонне, что у них нет сложного характера», «движения души», недостает психологической глубины.

В. КИКНАДЗЕ.

ИЛЛЮСТРАЦИИ ХУДОЖНИКА И. ГУРРО К РОМАНУ М. ДЖАВАХИШВИЛИ «БРЕМЯ ЖЕНЩИНЫ»